

С.Б. Сорочан

Харьков

«Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византино-хазарских отношений в Таврике

В свое время А.А. Якобсон отмечал, что знаменитое восстание, случившееся во второй половине 780-х гг. в Юго-Западном Крыму во главе с Иоанном Исповедником, вряд ли было вызвано Хазарским каганатом [Якобсон 1964, 31, 157 – 158, прим. 34]. Инициатива явно была на стороне проромейски ориентированного предстоятеля местной церкви — Иоанна, главная, особая заслуга которого, с точки зрения агиографа, состояла именно в том, что он пытался организовать решительное противостояние хазарам, давление которых, очевидно, стало серьезно беспокоить к этому времени власти крымской Готфии¹. Нельзя говорить и об «антивизантийских, антиправительственных тенденциях его участников и главарей» [Домбровский 1966, 14], ибо религиозные лозунги борьбы были явно православными и, значит, учитывая политический момент, провизантийскими.

Однако еще меньше оснований утверждать, что выступление во главе с Иоанном Готским специально инспирировали константинопольские власти. Крутая, властолюбивая, энергичная Ирина, по сути дела правившая с 780 до 790 г. вместо подраставшего сына, пылкого, но непоследовательного Константина VI (780 – 797), была вольна вмешаться в это восстание, иконодильское по своей сути, следовательно, импонировавшее настроениям регентши, уже несколько лет занятой назначением на епископские кафедры противников иконоборчества. Значит, кроме фактора времени, быстротечности случившегося, для ромейских властей должны были быть еще и другие существенные причины, чтобы «не успеть» вос-

¹ Не вдаваясь в неуместную для данной статьи дискуссию, следует принять к сведению, что по целому ряду причин невозможно настаивать на полном господстве или хотя бы протекторате хазар в Крыму в VIII в., равно как и на почти полной самостоятельности Крымской Готии (Шестаков 1908, 30 – 42; Артамонов 1962, 193 – 202, 252 – 258; Беляев 1994, 60; Амброс (1994) 1995, 65; Айбабин А.И. 1999, 171 – 214, 226 – 227; ср.: Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, 209 – 231; Науменко 2001, 336 – 361). Видеть в Иоанне Готском «первого, кто пытался выделить отдельную Готскую епархию», может быть, и можно, однако составитель Жития не указал это внятно среди заслуг своего героя, объясняющих его канонизацию, видимо, по причине того, что легитимность избрания Иоанна как епископа была сомнительна, зато служение делу великой Романии — неопределимо (ср.: Могаричев 2002, 24 – 25). Сам факт антихазарского выступления, при любых его трактовках, доказывает, что к концу столетия напряженность в отношении населения Юго-Западной Таврики с хазарами стала нарастать. Причем настолько, что ее попытались использовать как козырь в политической игре, конечной целью которой могло быть создание независимого от церковной власти Херсона автокефального епископства с православной ориентировкой, вполне устраивавшей на тот момент официальный Константинополь (см.: Герцен, Могаричев 1999, 112 – 113).

пользоваться инициативой Иоанна Исповедника и последующими крымскими событиями, точная датировка и характер которых остаются в области дискуссий. Поэтому следует задаться целью еще раз проанализировать их с тем, чтобы продвинуться в решении этого непростого вопроса, уже давно рождающего противоречивые выводы исследователей, поскольку они опираются на субъективные, не всегда внимательные толкования единственного письменного источника — Жития Иоанна Готского.

Вероятно, главная из причин пассивности византийской стороны — нежелание идти на окончательный разрыв с хазарами и, как следствие, немедленный развал отношений кондоминиума, ставших и без того ненадежными. В столице империи по-прежнему боялись мусульман. Для этого вновь появились веские основания. В 782 г. арабы, грозя новым опустошительным рейдом, вынудили византийцев пойти на уплату ежегодной дани размером в 70 тыс. солидов, а в 785 г. халиф Гарун ар-Рашид начал реорганизацию старых пограничных оборонительных рубежей (ас-сугур), проходивших от южномалоазийской Киликии к армянскому Эрзеруму (ромейскому Феодосиюполю) и известных как «Оммеядский Север» [История 1967, 62; Волпег 1994, 17 – 24]. Ирину не могли не утратить нападения арабов на Анатолию, во время которых армия вторжения превышала 95 тыс. человек [Weil 1848, 99 – 117, 155 – 157; Treadgold 1997, 418, 423]. Скорее всего, у имперского правительства оставалась надежда на союзные хазарские действия против мусульман хотя бы в Закавказье, которые снизили бы возросшую активность рейдов халифа в юго-восточной Малой Азии. Другим сдерживающим фактором могли стать сведения о сохранении иконоборческой ориентации в Крыму и не сочувствии или, по крайней мере, равнодушию большей части местного населения по отношению к епископу Иоанну, который в строительной надписи 1427 г. из югобережного партенитского храма Св. Апостолов Петра и Павла неверно назван «митрополитом города Феодоро [Мангупа] и всей Готии» [Латышев 1896, 77 – 79, № 70]².

Само восстание, внешне носившее, как принято в Средневековье, одновременно политическую и ярко выраженную религиозную окраску, началось в «эм-

² Судя по более раннему источнику, не искаженному последующими легендами, Иоанн был не более чем хорепископом в Крымской Готии, да к тому же поставленный не василевсом и рукоположенный патриархом, а предложенный некими «православными Готфий» (tes Gothias orthodoxoi), то есть избранный не по церковным канонам (см.: Житие Иоанна Готского 1912, 396, 406 – 407, гл. 2). Его епархия, если и существовала с середины VI в., как думает С.А. Беляев, принимая во внимание активную деятельность Юстиниана I в Крыму, едва ли была самостоятельной, а скорее подчинялась епископу Херсона, который, как известно, в конце VII в. именовался епископом «Херсона Дорантского» (Дорийского) (ср.: Беляев 1994, 59). Вместе с тем отсутствие подписи епископа Готфии под актами синода 787 г. не может служить аргументом в пользу того, что такой кафедры в это время еще не было (ср.: Науменко 2001 а, 61 – 67). После бегства Иоанна Исповедника в Амастриду место предстоятеля, разумеется, было какое-то время не занято. Кроме того, под решениями иконопочитательского собора, на котором присутствовали епископы Херсона и Сутдеи (Деяния 1873, 598 – 604), нет подписи и епископа Боспора, хотя, судя по находке моливдула Петра Пистика, другим церковным и агнографическим письменным источникам, в VII – VIII — начале IX вв. здесь несомненно действовал центр епископии. Другое дело, что церковной митрополией Готия стала, как и некоторые прочие архиепископства на территории Крыма, не ранее последней четверти XIII в. (Богданова 1991, 20 – 32), когда забылось даже прежде название Мангупа — Дори и он превратился в центр деспотии Феодоро.

пории Парфениты», предполагаемой резиденции епископа Готфии, где его трудом был основан монастырь и сооружен храм. Дата восстания остается открытой, и ясно лишь то, что оно приурочивалось к началу VII Вселенского синода, на котором предполагалось восстановление столь долго попираемого иконопочитания [Баранов 1974, 159 – 161]. По мнению Д. Хаксли, выступление произошло в 785 г., еще до созыва в Константинополе первого, неудавшегося синода лета 786 г., который оказался разогнан иконоборчески настроенными епископами, призвавшими на помощь войска, верные памяти всегда заботившегося о солдатах Константина V [Huhley 1978, 166 – 168]. Этой же версии, с незначительными поправками, с некоторых пор стали придерживаться А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев, помещающие восстание между 784 и 786 гг. [Герцен, Могаричев 1999, 113 – 115]³.

Предшествующее выступлению время пребывания Иоанна в Константинополе, скорее всего, действительно пришлось на конец патриаршества Павла, который, как сказано в Житии, «приближался к кончине» [Житие Иоанна Готского 1912, 397, 411, гл. 3]. Следовательно, Иоанн покинул столицу до 31 августа 784 г., когда Павел без ведома императрицы Ирины оставил престол и удалился в монастырь Флора [Theophan 1883, 457. 13 – 15]. Столь же очевидно, что он не участвовал ни в работе синода, пытавшегося собраться в константинопольской церкви Св. Апостолов летом 786 г., ни в работе синода, наконец открывшегося 24 сентября 787 г. в Никее благодаря крутым мерам, предпринятым Ириной, и энергичности нового патриарха Тарасия⁴. Однако почему надо считать, что выступление Иоанна в Таврике произошло в 785 г. или «не позднее 786 г.»? В Житии оно описано в главе, следующей сразу за рассказом о синодах в Константинополе и Никее, где прямо сказано, что преподобный епископ Иоанн был выдан «властям хазарским» «после этого» (o de osios outos episkopos Ioannes meta tauta) [Житие Иоанна Готского 1912, 397, 416, гл. 5]. Следовательно, следуя правилам источниковедческой критики, мы должны разрешить наши сомнения в пользу источника, а не в пользу самозащиты критиков. Нельзя исходить из предпосылки ошибочности этого места текста, поскольку автор Жития не скомпрометировал себя противоречиями либо фактическими ошибками. С другой стороны, последующее бегство злополучного «хазарофоба» Иоанна не в столицу Романии, а в малоазийскую провинциальную Амастриду, известную своими иконопочитательскими настроениями, убедительно свидетельствует о том, что оно произошло до 24 сентября 787 г., когда вопрос об иконокластах и иконодулах еще не был окончательно решен на правительственном уровне. Скорее всего, выступление сторонников Иоанна состоялось в Готфии незадолго до открытия последнего, «победного» синода в Никее, вероятно, летом

³ До этого они разделяли диаметрально противоположную точку зрения и полагали, что «...уже после VII Вселенского собора Иоанн поддержал господина Готии в его борьбе с хазарским засильем». — см.: Герцен, Могаричев 1998, 117; ср.: Герцен, Могаричев 1991, 120 («Несомненно, что восстание произошло ... после VII Вселенского собора, временно восстановившего иконопочитание»). В новейших работах сохраняется отбечаемое указание на то, что это произошло «на исходе VIII в.», «около 787 г.», или предлагается более широкая дата — «приблизительно вторая половина 80-х гг. VIII в.» (см.: Науменко 2001, 342; Герцен 2002, 62; Герцен 2002 а, 32).

⁴ В Житии содержится указание, что репрессиям было подвергнуто шесть тысяч бунтовщиков-схолариев с их женами и детьми, а вместе с ними и некоторые из проиконоборчески настроенных епископов [Житие Иоанна Готского 1912, 397, 415, гл. 4].

787 г., когда, памятуя бурные константинопольские события прошлого года, было далеко не ясно, кто одержит верх — все еще сильные своим влиянием иконоборцы или так и не получившие официального статуса почитатели икон.

Зная о иконодульской симпатии константинопольского правительства и о добрых отношениях с ним Иоанна Исповедника, «кир Готии и его архонты» (to kuto Gotthias kai tois archousi autou), как они названы в Житии, оказались в двусмысленном, сложном положении. Экспансионистские намерения хагана в отношении Юго-Западной Таврики были вполне прозрачны и не могли не тревожить. Но откровенная поддержка Иоанна, настроенного сепаратистски по отношению не к империи, а к хаганату, грозила привести к нарушению сложившейся кондоминатной расстановки сил в Крыму, что вызвало бы негативную реакцию хазар, все еще формально связанных обязательствами с Константинополем. С другой стороны, слишком демонстративный отказ от «соглашения» (to systathenai) с епископом и «его народом» (tou idiou laou), то есть приверженцами ортодоксального православия, епископскими «учениками» (ton matheton), мог в недалеком будущем привести к опале из столицы империи. Вероятно, по этим же причинам «отмалчивались» херсониты и сугдейцы и их епископы Сисиний и Стефан⁵, как и преподобный Иоанн, знавшие о появлении хазар в Доросе и о готовившемся новом созыве Вселенского синода, но по понятным причинам не желавшие торопить события, как будто замершие в состоянии неустойчивого равновесия. Только у Иоанна хватило решимости поколебать чашу весов, но, как показали последующие, почти молниеносно развернувшиеся события, он просчитался в оценке реальной ситуации как в отношении надежд на поддержку официального Константинополя, так и в отношении Юго-Западного Крыма с его местными властями, привыкшими «сидеть на двух стульях» и лишь озабоченными тем, чтобы такое положение, выгодами которого они пользовались уже почти столетие, не изменилось ни в чью пользу.

Н.А. Алексеенко предлагает видеть в кирях Готии «своеобразных правителей — наместников пограничных областей, имевших особый статус управления» [Алексеенко 1996, 160 — 161]⁶. О них, как об «архонтах тех фем», в смысле областей (ton choron touton archontes tes phemes), писал Никифор, называвший районы Готии византийскими архонтатами (ton archontion), а не менее двух десятков их глав — простатевонтами городков (ton prostatauontas polismaton) [Чичуров 1980, 156]. Показательно, что похожее наименование — «кир», в значении «архонт» было использовано тем же писателем применительно к наместнику византийской Александрии, позже служило у византийцев для обозначения правителя Ани, тогда как полунезависимая армяно-византийская «контактная зона» на крайнем востоке Малой Азии именовалась в целом «хорой» и в свою очередь де-

⁵ Сисиний, епископ Херсона, и Стефан, епископ Сугдеи, единственные из крымских высших церковных иерархов фигурируют в списках VII Вселенского синода в Никее (Деяния 1873, 65, 369, 385; Darrouzes 1975, 62 — 63).

⁶ В этой связи стоит обратить внимание, что в конце VIII — начале IX вв. термин kytios, kytion, kypin Никифор и Феофан использовали в своих сочинениях, когда упоминали союзника Юстиниана II — «господина» или «государя», «владыку» Тервеля, правителя болгар, удостоенного высочайшего византийского сана кесаря (см.: Чичуров 1980, 39, 63, 155, 164). Следовательно, аналогичный термин византийцы могли применять по отношению к правителям федератов империи.

дилась на более мелкие военно-административные округа, небольшие области, города-крепости с округой, тоже называвшиеся хорами [Никифор 1950, 359 — 360; Юзбашян 1988, 85 — 86; Арутюнова-Фиданян 1994, 53; Арутюнова-Фиданян 1999, 390]. Очевидно, каждая из областей, местностей — хор, фем, архонтий или так называемых климатов имела городок — полисму либо крепость — кастрон, подобный Доросу, с резиденцией местного кира или архонта — простатевонта⁷. В целом они представляли типичную «синтезную контактную зону» со всеми вытекающими отсюда моментами: общей с Византией территорией, взаимодействием этносов, культурным взаимодействием, этно-конфессиональными, социально-административными компонентами, которые формировались в течение длительного времени, исчисляемого столетиями [ср.: Арутюнова-Фиданян 2002, 58 — 70]. Более того, есть основания думать, что это были бывшие племенные центры (*castris gentium ibidem adjacentium* или *kastrois ton ekeise parakeimenon ethnon* из мартирия братьев Евпрепия и Феодора конца VII — начала VIII вв. [Istoria syntomos 1917, 14. 13 — 14, sec. 3; Anastasii bibliothecarii 1853, col. 684 D]), поскольку даже в 1253 г. францисканский монах Вильгельм (Гильом) Рубруквис, проезжавший мимо этих краев на пути к ставке великого монгольского хана, отмечал в своем донесении французскому королю Людовику IX, что почти каждый из сорока замков — кастра, расположенных между Херсоном и Салдаей (Судаком), «имел особый язык», среди которых многочисленностью своих носителей выделялся «тевтонский» (*teutonicum*) — язык здешних готв [Вильгельм де Рубрук 1911, 68]. Но как бы то ни было, в период раннего Средневековья главы этих центров являлись представителями здешних «аланоготв», ромейских федератов и их властей, имели общие, жизненно важные интересы с имперскими властями Херсона⁸, внимательно следили за происходившим в столице Романии и в то же время не должны были игнорировать интересы хазарской стороны в Крыму до тех пор, пока эти интересы не переходили границ законных требований. Причем в ситуации сохранявшегося статуса кондоминатного владения правителей (*гех*) или игемонов (*top eparchion egemones*) Готфии, как называл православных глав местных архонтий или областей — климатов (*klimasi*) Таврики диакон Игнатий в Житии патриарха Никифора (806 — 815) и авторы версий Жития Феодора Студита, скорее всего, не назначал ни хаган, ни василевс [Ignatii Diaconi 1880, 160; Житие св. отца нашего Никифора 2001, 21, гл. 28; Michailus Monachus 1976 col. 137; Michailus Monachus 1976 a, col. 252; ср.: Айбабин 1997, 7; Айбабин 1999, 211]⁹.

⁷ Такое представление сложилось уже у А.А. Васильева [Vasiliev 1936, 61; ср.: Zucerman 1997, 219; Науменко 1998, 696 — 698].

⁸ На это обстоятельство особенно недвусмысленно указывает находка под Тешкли-Буруном летом 2000 г. моливадула 630 — 640-х гг. с именем Дорофея, протевона (?) в сане сафария (Герцеи, Алексеевко 2001, 91 — 92). Уже само ее присутствие рядом с Мангупом, достаточно уверенно отождествляемым с Доросом, весьма симптоматично и подтверждает верность приведенных выше заключений.

⁹ Примечательно, что греческий термин и вместе с тем латинизм *гех* (рекс, рикс) ромей использовались применительно к вождям, предводителям (*exochotatoi*) чужеземных народов, иноплеменников самого высокого ранга, имевших, в отличие от игемонов, высшую власть (ср.: Феофан 1995, 256, 274 — 275, 296, комм. 87; Раннефеодальные государства 1985, 78 — 79). Как уже указывалось, подобный пример владетелей и одновременно функционеров византийской администрации являли «князья» некоторых восточных малоазийских и армянских земель, сопредельных с Византией (Арутюнова-Фиданян 1994, 21 — 22).

Похоже, церковный лидер Готфии, ослепленный религиозным рвением и честолюбивыми надеждами, поспешил с выступлением, у которого было две причины и одновременно связанные с ними цели: предупредить становившееся все более вероятным в перспективе установление власти хазар и тем самым, выслужившись перед Константинополем, создать условия для организации официально признанного византийскими властями самостоятельного епископства. Нельзя сказать, что выступление оказалось безрезультативным, оно скорректировало и на некоторое, пусть непродолжительное время смягчило политический курс хаганата в отношении Таврики, но его инициатор явно не получил широкой, всеобщей поддержки и, как гласит Житие, был вскоре предан (или «передан»?) каким-то селением или областью (уро enos choriou paradothenta) и в итоге оказался «властям хазарским выдан» (tois archousi ton chazaron exedothe) [Житие Иоанна Готского, 1912, 416—417, гл. 5.; ср.: Vasiliev 1936, 89—96]¹⁰. Важно учесть, что уже после случившегося находились люди из числа местных жителей, которые укоряли преподобного «...как виновного в том, что крепость (to kastron) Готфии (очевидно, Дорос. — С.С.) была сдана (предана, выдана) (tou paradothenai) хагану и что при этом невинно некоторые умерли» [Житие Иоанна Готского 1912, 399—425]. Видимо, если бы епископ своими проповедями-призывами не накалял обстановку и не спровоцировал мятеж, всего этого можно было избежать и решить назревавший конфликт мирным путем, прежде всего в ходе двусторонних византино-хазарских переговоров, через обмен посланниками — «делателями мира».

В одном из греческих синаксарей, составленных в X — XI вв. на основе иностранной редакции Жития Иоанна Готского, содержится очень важное для понимания происходившего уточнение о том, что после подавления выступления его главный организатор и виновник бежал в Романию, на противоположный берег (antiperasai) Черного моря, в портовый город Амастриду (Амастру), «преследуемый (прогоняемый) собственным народом» (dioktheis para tou oikeiou laou) [Synaxarium 1902, col. 773. 8—9]. Здесь он и умрет через четыре года, после чего как ни странно, его тело будет без промедлений перевезено через море и даже захоронено в Партенитской монастырской церкви Св. Апостолов Петра и Павла в бывшем «гнезде мятежа» [Житие Иоанна Готского 1912, 398, 421—422]. Хаган на этот раз окажется удивительно уступчивым, если считать происходящее свершающимся на земле, уже целиком ему подвластной.

Примечательна также весьма сдержанная, уступчивая позиция хазарской стороны после провала восстания, которая пощадила «кира Готии» и, очевидно, его архонтов, казнив только «17 рабов ... неповинных» (dekaepta de doulous anaitious) — рядовых мятежников, видимо, из числа наиболее активных¹¹. Мало того, сам Иоанн, по словам агиографа, «...получил возможность бежать» (o osios paraphylachtheis edynethe diadras) из-под стражи из Фул (ton Phoulon), еще одного крымского кастрона, куда его доставили после выдачи хазарам [Житие]

¹⁰ М.-Ф. Озепи тоже полагает, что в тексте источника следует читать о выдаче Иоанна хазарам «своим народом», то есть той паствой, которая была не согласна с его взглядами и действиями (также ср.: Герцен, Могаричев 1999, 99).

¹¹ Неясно, на каком основании их можно считать «крестьянами» (см.: Айбабин 1999, 209).

Иоанна Готского 1912, 398, 399, 417)¹². Позже из тюрьмы были выпущены невредимыми мафиты, идейные сторонники Иоанна, «... так как хаган сказал: «никакой ошибки не имеют» (outoi ptaisma ouk echousin) [Житие Иоанна Готского 1912, 399, 423 (в пер. В.Г. Васильевского: «Они не имеют вины»)]. Получается, что хазарские власти отказались от своих бывших амбициозных политических планов в отношении Готфии и продолжали действовать с оглядкой на Византию, в общем и целом все еще соблюдая условия кондоминиума. Едва ли ввели бы себя так под-

¹² Следует заметить, что в раннесредневековых памятниках название этого места всегда писалось с одной буквой «лямбда». Двойное «л» появилось гораздо позже. Так, в приписках XIII в. на полях греческого Синаксаря из Сутдеи упоминаются архиепископы Сутдеи и Фула (sougd kai phoull) или Сутдо — Фулл (sougdou phoull), но даже и тогда это делалось непоследовательно, с исключениями (sougdaias phoull) (Архимандрит Антонин 1863, 598, № 18 — 19, 1274 г.; с. 640, № 99). Локализация Фул как поселения или хотя бы как округа (а это было и то, и другое) до сих пор остается открытой. Уже А.Л. Бертье-Делагард метко назвал этот «городок» с населявшим его «фульским народом» зачарованным кладом, который не дается в руки (Бертье-Делагард 1920, 67). Почти двухсотлетние поиски породили целую литературу по этому поводу и около двух десятков вероятных вариантов локализации: исследователи привязывают Фулу то к Чуфут-Кале (И. Тунмани, П.И. Кеппен, А.Л. Бертье-Делагард, А.А. Васильев, А.Л. Якобсон.), то к расположенному в 3 км от него городищу Кыз-Кермеи (Е.В. Веймарн, А.В. Белый), то к Мангупу, то к Бакле (В.Е. Рудakov), то к Эски-Кермену — центру исторической области Алании» (В.А. Сидоренко, Н.Г. Новиченкова), то к Инкерману (Т. Дышкант), то к югобережному урочищу Рускофилкале (Руско-фуле) на Никитском мысу (П.И. Кеппен, Н.Н. Мурзакевич, В.Г. Васильевский), то к Кастрополю (П.И. Кеппен), то к холму Фула между Ай-Тодором и Аулпкой (П.С. Паллас), то к Фунам (Н.Н. Мурзакевич), то к Старому Крыму (Карасу-базару) недалеко от Сутдеи (Ю.А. Кулаковский, В. Бушков), то к приморскому открытому городищу площадью около 10 га на холме Тепсень около поселка Коктебель на южном побережье Восточного Крыма (Р.А. Орбели, В.В. Кропоткин, М.И. Артамонов, И.А. Баранов, А.И. Айбабин, В.В. Майко) [См.: Тунмани 1936, 35 — 36; Путешествие 1881, 163; Кеппен 1837, 132, 178, 206; Кулаковский 1898, 198 — 199; Кулаковский 1898 а, 194 — 202; Житие Иоанна Готского 1912, 425; Маркевич 1914, 239; Бертье-Делагард 1920, 72 — 87, 124, 127; Vasiliev 1936, 74, 98; Кропоткин 1958, 200 — 201; Якобсон 1959, 110 — 113; Артамонов 1962, 256 — 257, прим.; Веймарн 1968, 74 — 77; Рудаков 1984, 35 — 57; Blockley 1985, 275; Бушков 1994, 9 — 31; Сидоренко (1994) 1995, 585; Белый (1995) 1996, 88 — 94; Белый, Душевский, Мажуко 1999, 3; Дышкант 2000; Майко 2002, 133 — 145; Новиченков, Новиченкова 2002, 28 — 29]. Дискуссии по этому поводу периодически вспыхивают и замирают, чтобы возобновиться с новой силой. Пожалуй, чаще всего разгадку исторической головоломки увязывали с регионом Южного берега Крыма, очевидно, учитывая, что от Дороса Иоанн Готский должен был пытаться бежать к морю, туда, где можно было найти корабль для переправы на побережье Малой Азии [см.: Бертье-Делагард 1920, 66 — 67]. Во время этого бегства он и был схвачен, скорее всего, недалеко от Фул. По этой же причине пленник оказался в тамошней филAKE. Однако для того, чтобы кратчайшим, а значит, и скорейшим путем попасть от окрестностей Мангупа к морю, следует двигаться на юго-запад, по хорошо известному пути в сторону Херсона — тому самому пути, которым в свое время воспользовался для бегства из Херсона Юстиниан II. Именно так удобнее всего было добраться до ближайшего, лежащего всего в 20 км крупного портового центра, рядом с которым можно было рассчитывать найти снаряженное, готовое к отплытию судно. По этому поводу А.Л. Бертье-Делагард выдвинул следующее логичное соображение: «Беглецу нетрудно скрываться в глухих горных трущобах Тавриды, но иное дело, добравшись до моря, найти готовое к отправлению судно; это и теперь нелегко, а тогда, без сомнения, вызвало долгие поиски и ожидания не только самого судна, но и покладастого судовщика, которых нигде и ни в какое время не хвалили за улов преступников. И в этом смысле скорее всего и легче было найти желаемое в большом городе Херсоне, имевшем много сношений с заморьем... Найдя судно, приходилось выжидать самого главного — благоприятной погоды. Переправа в заморье — дело нехитрое, но парусным судам приходилось ожидать даже в хорошее время года, иногда целые недели попутного ветра, а в таком случае беглецу всего легче быть нагнанным или выданным враждебной частью населения, как то и случилось с Иоанном» [Бертье-Делагард 1920, 71]. Уже одно это вполне объективное обстоятельство заставляет усомниться в верности поисков Фул в неких «трущобах» горно-лесной части среднего Крыма, на склонах гор, в Степной Таврике или за 250 км от места основных событий, на открытом, хотя и приморском поселении VII — первой половины X вв. на холме Тепсень. Ему принадлежали найденные там остатки одной из самых круп-

линные и абсолютные хозяева Таврики, якобы проживавшие возле своего «опорного пункта» — Фул и после подавления восстания Иоанна Готского овладевшие «на несколько десятилетий глубинными районами Крымского полуострова» с центром в Доросе-Мангуле [ср.: Могаричев 2001, 272; Науменко 2001, 342; Герцен 2002 а, 29].

Сам «сговор» (to systathenai) властей Готии с не в меру ретивым епископом зрел как превентивная, упреждающая мера, направленная против тревоживше-

ных крымских трехнефных базилик длиной 37,6 м и шириной 12,4 м и еще пяти христианских храмов (при том, что исследовано не более 2 % общей площади городища). Церковный центр находился примерно в 40 км к востоку от Сутдей, что весьма удобно для объяснения его вхождения в дальнейшем в состав единой Сутдо-Фульской архиепископии. Однако это поселение не удовлетворяет условиям еще одного, очень важного ориентира для Фул. В схолиях к нотиции де Боора (Notitiae Isaogorum), датированной в пределах последней четверти VIII — конца IX вв., при упоминании 37-й епархии — Готфии (LZ eparchia Gothias) в качестве такового были указаны некие Хотцирон или Хотцирон (o Chotzirion) и «Харасиу, что значит Черная вода» (kai tou Charasiou, eno legetai to Mabron Neron), причем Фулы были названы вместе с «Черной водой» (через союз kai), а Хотцирон «соседним, близким» (synegguis) к ним [Dargouzes 1981, Notitia 3, p. 245; Бертье-Делагард 1920, 75]. В самой нотиции Готская епархия значится на 35-м месте, сразу после ее главного центра — митрополии Дороса следует Хотцирон (LH eparchia Gothias, a Doros metropolis, b o Chotzirion) [Dargouzes 1981, 241, 242]. Между тем никакой реки поблизости от Тепсена нет. Ближайшая к нему р. Индол находится более чем в 30 км западнее. А еще дальше расположена р. Карасу, что в переводе с татарского означает «Черная вода». Поэтому в указанной в нотиции де Боора «Черной реке» некоторые исследователи видят «греческую кальку татарского слова Карасу» [ср.: Беляев 1994, 61], что дает весьма призрачное основание искать Фулы, область и одноименное поселение, рядом с этой крымской рекой. Впервые такое отождествление сделал Ю.А. Кулаковский, указавший на находившийся здесь город Карасу-базар. В.Л. Мыц, исходя из того же единственного, взятого в отрыве от других «речного» ориентира, попытался увязать Фулы со скифским городищем у с. Вишенное расположенным на правом берегу р. Биюк-Карасу в 6 км к северо-востоку от г. Белогорска (ранее Карасу-базара) [Мыц 2001, 80 — 83; Мыц 2002, 116 — 120]. Однако надо учесть, что смысловое совпадение гидронима из нотиции де Боора с гораздо более поздним татарским названием не может стать решающим аргументом в многолетнем споре. Карасу-базар сравнительно молодой городок, история которого связана с деятельностью татар в Крыму в XVI в., а византинизированное поселение у с. Вишенное, хотя и занимало немалую площадь около 6 га и, похоже, имело укрепления, дает пока невыразительные, нуждающиеся в интерпретации и уточнении, но очень многочисленные материалы VIII — X вв. К тому же, и это главное, оно находится на западном отроге горного массива Ак-Кая, весьма далеко от моря и еще дальше от Мангула. Нам же необходимо искать приморский центр недалеко от Херсона, стоявший непосредственно на реке. Только такое место подходит для всех отмеченных источниками условий. По этой причине в числе «главных подозреваемых» неизбежно оказывается Инкерман, находящийся на одной из значительных рек Крыма — Черной речке (Казыклы / Кизыклы — Узень, Биюк / Буюк-Узень — татарская «Большая река») при впадении ее в Севастопольскую бухту. На первых русских картах река именовалась Акерманка, Инкерманка, в 1820-е гг. ее называли Чоргун, по имени лежащей на ней большой деревни, откуда, вероятно, и произошло ее современное название — Черная (Аркас 3. Описание Ираклийского полуострова и древности его. История Херсонеса // ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 245; Бертье-Делагард А.Л. Исследование... С. 170 — 179). Она течет в русле с глинистыми берегами, извиваясь по широкой Инкерманской долине, западные и южные стороны которой представляют отвесные обрывы, достигающие 60 — 70 м высоты. Четыре брода через реку, которая еще в конце XVIII в. достигала в низовьях ширины 600 — 800 сажень (1200 — 1600 м), после обильных снегов или дождей становились непроходимыми, что предполагает необходимость моста для переправы с берега на берег [Путешествие 1881, 88 — 89, 113]. В Сказании священника Иакова, посетившего эти места в 1634 г., говорится, что от Инкермана до моря было 3 версты (около 6 км), вдвое больше, чем теперь (ЗООИД. Т. 2. С. 687). Суда останавливались и разгружались на левом берегу Севастопольской бухты, в 2 — 3 км от устья реки и, следовательно, в 5 — 6 км от Инкермана [Бертье-Делагард 1920, 194, 200, 261]. Здесь, рядом с устьем реки сходились две главные дороги, ведущие из степных и предгорных районов Крыма в недалеком расположенный Херсон. Здесь сравнительно легко можно было бы найти судно, но здесь столь же трудно было бы надолго укрыться от тех, кто пожелал выдать Иоанна. Дело в том, что напротив Инкерманской крепости, построенной на оконечности плато Монастырской скалы в VI — VII вв., находилась переправа

го, назревавшего, возможного, но еще не осуществленного хазарского вмешательства, дабы хазары, как отметил агиограф, «не подчинили страну их» (те katakutrieysai tes choras auton) [Житие Иоанна Готского 1912, 416]. Даже Фулы нельзя однозначно считать нехристианскими и хазарскими, а главу их властей, «господина», неким «хазарским князем» или «наместником кагана» только на том основании, что выданный для последующей передачи хазарам Иоанн был на какое-то время помещен в тамошнюю тюрьму — филиаку: кир (кутios) Фул, буду-

одно из самых оживленных и, видимо, густонаселенных мест, не с одним поселением [см.: Филиппенко 1997, 51]. Особого внимания заслуживает средневековое поселение площадью 5 га у подножья Загайтанской скалы, которое существовало с ранневизантийского времени, о чем свидетельствуют керамика и монеты Анастасия (491 — 511) и Юстина (565 — 578), до XIII — XIV вв., пережив особый подъем в VIII — X вв., а еще одно такое же поселение находилось на плато скалы [Веймарн 1963, 63 — 74; Савеля 1994, 59; Суханова 6 — 7; Bortoli, Kazanski 2002, 654]. Два комплекса «пещерных» монастырских помещений находятся на южных и западных склонах Монастырской и Загайтанской высот, а третий — на левом берегу р. Черной, в Каменоломной (Светицницкой) балке [Русские древности 1891, 26 — 30; Филиппенко 1997, 35]. Особенно выделяется своей простотой, отсутствием декора «пещерный» архитектурный комплекс Загайтанской скалы. Храмы здесь в основном однокорабные, алсидами в них служат алтарные ниши. Следы перестроек и вместе с тем разрушенность, худшая сохранность сооружений, особенно восточной части, по сравнению с комплексом Монастырской скалы могут указывать на то, что это древнейший «пещерный» комплекс в Инкерманской долине, который мог возникнуть раньше конца X в. [Могаричев 1997, 17 — 22, 29, 30]. Во всяком случае, результаты раскопок показывают, что в VIII — IX вв. жители поселения на склоне Загайтанской скалы использовали для жилья как наземные постройки, так и высеченные в камне «пещеры». Некоторые из них переоборудовали из залов для скота под жилье [Суханова 3 — 5]. Если учесть, что местные греки словом rhoulla, rhoiia называли издавна гнездо, логово или пещеру, примеры чему находятся в топонимике Южного берега и других крымских мест, тогда Инкерман с его пещерными сооружениями тоже вполне подходил под этот эпитет (см. подборку знатока этого вопроса [Бертье-Делагард 1920, 85 — 86]). Кроме того, надо учесть, что отсюда, по Каменоломному оврагу (Светицницкой балке), через плато Сапун-горы, огибая верховья Делагардовой, Лабораторной и Килевой балок, шла дорога, которой можно было достичь Херсона [Веймарн 1958, 75]. Если это так, тогда понятно, что Константину Философу, отправившемуся к «народу фульскому» во второй половине 861 г. после возвращения от хагана хазар, не было нужды рисковать забираться на дальнюю окраину, южный или восточный берег Крыма, и все случившееся с легендарным фульским дубом было связано с относительно недалекими, близкими окрестностями Херсона (8 — 10 км от города, пара часов ходьбы или того меньше морем) [см.: Житие Константина 1981, 85 — 86, гл. 12]. Такого же мнения придерживались В.А. Бильбасов, С.П. Шестаков [Бильбасов 1871, 175; Шестаков 1908, 38] и А.Л. Бертье-Делагард. Последний весьма разумно заметил, что «после длинного, утомительного пути из Хазарии едва ли Константин мог решиться предпринять новый далекий путь, тем более что ему приходилось спешить в Константинополь с донесением» [Бертье-Делагард 1920, 73]. Этот маршрут больше соответствует представлению об условиях существования херсонитов в конце 50 — начале 60-х гг. IX в., которые, по словам современников, «... казалось, были не города жителями, сколько тюрьмы обитателями (carceris habitatores), так что не отваживались выходить, остерегаясь» (см.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсона. — С.261). Немаломо дальше от Херсона отправилась 30 января 861 г. «благочестивая экспедиция» во главе с архиепископом Георгием, для того, чтобы обрести мощи св. Климента Римского на острове в Казачьей бухте. Судя по содержанию источников об отыскании мощей св. Климента, все выходы Константина Философа за пределы города, когда он собирал сведения у местных жителей и вел предварительные разведки искомого гробницы, тоже проходили в окрестностях Херсона. Вокруг подстерегали конные отряды хазар или грабителей-вентров, которые с жутким волчьим завыванием нападали на одинокие группы путников из числа тех, что отваживались покидать ближайшие окрестности города. Исходя из этого, не был ли Фулами тот оставшийся не поименованным «христианский город» из Жития Константина, в успешных переговорах о снятии осады хазаров с которого участвовал императорский посланец? Первое знакомство с ним могло породить желание позже еще раз вернуться туда для укрепления благочестия здешних христиан, грешивших заблуждениями язычества. В официальных источниках Фулы как епархия появились впервые в самом начале X в., на 48 месте, сразу вслед за Готией и Сутдеей. Херсон и Боспор стояли соответственно на 21 и 39 месте [Бертье-Делагард 1920, 128, спис. А]. Позднейшее, происшедшее около 1156 г. соединение Фульской епархии с Сутдейской и последующее

чи, как и кир Готфрид, очевидно, не язычником или иудеистом, а христианином, просил заключенного исцелить своего больного сына и для этого совершить над ним соответствующие православные церковные обряды (*touto sphragisas kai baptisas*) [Житие Иоанна Готского 1912, 424]¹³.

Христианским было и само полиэтничное население Фульской области, несмотря на приверженность к фетишистским пережиткам языческого толка, с которыми, судя по Житию Константина Философа, и 75 лет спустя будет бороться этот миссионер и дипломат, посланник василевса и константинопольского патри-

возведение их в ранг митрополии [Бертье-Делагард 1920, 51] не противоречит высказанному предположению о локализации Фул в районе Инкермана, тем более что другой основной «подозреваемый» — городище на холме Тепсень надолго, до XIV – XV вв., прекратило свое существование, и случилось это в конце второй четверти X в. Обращает внимание, что в 80-х гг. XIV в. Херсонский архиепископ посещая на южнобережные приходы — хоран, находившиеся к тому времени в ведении Готского и Суддейского митрополитов. Предстоятель Херсона «говорил и уверял, что с незапамятных времен ему принадлежало право на приход тот (Элисс)», а клирики другого хоран — Кинсануса — тоже клялись, что они всегда относились к Херсону. Едва ли это были голословные утверждения. За ними чувствуется опора на давнюю традицию, несмотря на то, что к тому времени не было уже «никого, кто бы знал». Во всяком случае, в итоге рассмотрения трагика Константинопольский патриарх Макарий, подначалу выражавший недовольство, был вынужден приказать считать «...места те и прежде, и теперь принадлежали Херсонской церкви, по бывшему здесь от многих свидетельству» [см.: Архимандрит Антонин 1867, 458 – 469, № CCCLV, 1382 г.; CCCLXVII, 1384 г.; CCCLXVIII, 1385 г.; CCCLXX, 1386 г.; CCCXIX, 1390 г.; Сорочан, Зубарь Марченко 2000, 352 – 354, 398]. Значит, некие основания к такому решению были и узкая полоса побережья от Инкермана до Суддей периодически перекрывалась церковными иерархами после того, как Фульская епархия вычленилась из Херсонской. Последний раз Фулы упоминаются в соединении с Судеями в 1400 г. В XVI в. они возродились под названием Кафо-Фульская епархия. В 1666 г. уже как митрополия бывшая епархия была присоединена к Амасии, на противоположном берегу Черного моря, а в 1678 г. — к Готии, под названием Готско-Кафская [Бертье-Делагард 1920, 56, 57 – 58]. Выходит название Фулы (Фулы) исчезло из церковного обращения не ранее конца XVII в., и, значит, до этого времени его по давней традиции увязывали с какой-то конкретной, продолжавшей существовать после X в. местностью, память о которой постепенно исчезла гораздо позднее, как и представление о ее расположении. В этом забвении нет ничего удивительного. К примеру, по данным Мартина Броневского к последней трети XVI в. было забыто название крупного города и крепости, находившихся на Эскермене, причем настолько прочно, что не только местные турки и татары, но и «сами греки не знали его имени» [Броневский 1867, 344]. Здешняя паства к XVIII в. почти совершенно утратила навык употребления греческого языка, так что даже немногочисленные грамотные священники писали греческими буквами, но на турецком языке [Серафимов 1867, 592]. Как верно заметил А.Л. Бертье-Делагард после выселения греков-христиан из Крыма в 1778 г. едва ли было кому сохранять предания о давних опустевших местах [Бертье-Делагард 1886, 214]. Думается, что уже к концу XV в. древние Фулы оказались существенно потеснены новыми топонимами — Каламита и Инкерман. Как бы то ни было, исследование всего комплекса имеющихся письменных источников позволяет наметить контуры четырех ориентиров, которые могут помочь в определении местонахождения легендарного места: его сам близкое соседство со значительной, заметной рекой Юго-Западной Таврики; близость к морю, порту; наконец, небольшая удаленность как от Херсона, так и от Дороса (Мангупа). Если исходить из этих параметров, мы едва ли найдем более подходящий вариант, нежели район Инкермана и устья Черной речки около Севастопольской бухты. Жизнь здесь не прерывалась с эпохи поздней античности. XVIII в., что вполне соответствует позднейшим упоминаниям Фул в церковной истории Крыма. Впрочем, поставить окончательную точку в затянувшихся поисках «зачарованного клада», пожалуй, может только счастливая находка *in situ* соответствующего, ясно читаемого эпиграфического памятника. Чего при нынешних темпах археологических исследований в районе Инкермана едва ли можно ожидать в скором времени, особенно если учесть, что большая часть балки Гайтани (Первомайской) с остатками средневекового поселения и «пещерными» сооружениями погребения под мощными отходами добываемого в карьере камня.

¹³ Ср.: Айбабин 1999, 207, 210, 215, 226 (упомянув кира Фул, автор каждый раз без каких-либо оснований называет его не иначе как «хазарский наместник» или «наместник кагана»). Следует под-

арха. Оправдываясь в грехе, «народ фульский» и его старейшина объясняли иерею, пришедшему к ним (Константин был в сане диакона), что обычай поклоняться и приносить жертвы «защитнику мужей» (alezandroi) — огромному старому дубу, сросшемуся с черешней, был перенят от предков, издавна здесь живших [Житие Константина 1981, гл. 12, 85 — 86, 122 — 123, комм. 4]¹⁴. Видеть в них «однозначно... язычников», праболгар, тюркоязычных носителей салтовской культуры и уж тем более иудеев только на том основании, что они сохраняли обряд поклонения деревьям, будет весьма большой натяжкой, ибо наличие подобных фетишей весьма ненадежный этнический маркер [ср.: Майко 2002, 133 — 134; Евреи в Крыму 1999, 12]. Текст источника недвусмысленно указывает, что почитание священного дуба не мешало обитателям Фул оставаться христианами, и поэтому Константину не надо было убеждать местных жителей принять христианство, ибо они уже были крещеными. Именно так отнесся к ним проповедник в своих увещаниях и уговорах уничтожить дерево. Он в итоге привел решающий аргумент: «Вот Евангелие Нового Завета Божьего, в котором были вы крещены» (выделено мной. — С.С.) [Житие Константина 1981, 86; ср.: Моравско-паннонские Жития 1930, 25, гл. 12 («се евангелие новаго завета божиа, в нем же ся есте крестили»); Житие Константина 1930, 59, гл. 12 («се евангелие новаго завета божиа, в нем се есте и крестили»)]. Примечательно, что именно так осознавали происшедшее современники. Климент Охридский, ученик солунских братьев, в Похвальном слове Кириллу писал в конце IX в.: «А в фульском народе истребил он (Кон-

черкнуть, что в тексте источника не содержится даже намек на языческие или иудаистские убеждения этого «господина» — правителя. Столь же надуманны представления о Фулах как о «центре хазарской администрации в Степной Таврике», да и местонахождение этой области, как уже было указано выше, надо искать гораздо ближе к морю, учитывая маршрут бегства Иоанна из филиаки одноименно к Кастроно или Полисам [ср.: Ромашов 2002, 88 — 89].

¹⁴ В такую же глубокую древность уходили некоторые элементы ритуального обряда (использование челюстей животных), связанные происхождением с культом Великой богини плодородия и местной культурной средой Горного и Южнобережного Крыма, которые демонстрируют многолетние раскопки святилища у перевала Гурзуфское Седло, несмотря на то, что в Средневековье здесь функционировали уже не языческие, а христианские культовые сооружения, храмы (см.: Новиченкова 1998, 2, 11, 18, 21, 23). Языческим был обычай класть куски черепицы — элемент домашнего очага под голову, на верхнюю часть груди, на подбородок или на нижние части головы погребенных в плитовых могилах VIII — IX вв. И это несмотря на то, что такие могилы устраивали в пределах христианских храмов, например на месте трехнефной базилики около с. Гоичарное, и некоторые из погребений сопровождали надгробиями в виде кирпичных стел с двускатным выступом и вырезанным на тимпане георгиевским крестом в круге [Якобсон 1968, 12, 14, 17 — 22, рис. 11]. Яркий пример такого амбивалентного отношения местного сельского населения к религиозным вопросам демонстрирует находка в глубине топочного канала одной из гончарных печей по производству тары крупного керамического центра в Чобан-Куле, действовавшего в VIII в. Здесь были зачищены кости петуха и позвонки барана — остатки ритуального языческого обряда жертвоприношения, совершенного при постройке печи, хотя работавшие в этом приморском эргастрии гончары испытывали значительное ромейское влияние и, скорее всего, были крещеными [см.: Якобсон 1955, 105]. Даже в районе Чернореченской долины, по соседству с таким крупным церковным центром, как Херсон, христианские погребения стали появляться не ранее VI — VII вв., судя по захоронениям в верхнем слое могильника у высоты «Сахарная голова» [Филиппенко 1997, 52, 71]. Немудрено, что «фульский народ» и в VIII — IX вв. не был тверд в вере, как, впрочем, и большая часть населения остальной Таврики, о которой можно было бы сказать словами из позднейшего послания епископа Феодора: «Пасет... их скорее смерть безверия. Устами они исповедуют, едва смею сказать, во спасение, ибо не веруют сначала сердцем в правду» [Кулаковский 1898, 26, § 24; см.: Сорочан 2002, 121 — 128].

стантин) безбожное заблуждение» [Климент Охридский 1990, 317]¹⁵. Следовательно, и тут речь шла не о крещении, а о наставлении на путь истинный, разрушении того, что Климент называл «ложью». Совершенно очевидно, что нехристи не могли «целовать Евангелие» в знак раскаяния, как это делал старейшина «на рода фульского» и за ним все остальные. Между тем ошибочное представление о том, что Константин якобы впервые убедил местных жителей принять христианство и тут же их крестил, пустило столь глубокие корни, что остается не замеченным даже маститыми, опытными исследователями и то и дело всплывает в рассуждениях как непреложный факт [ср.: Ahnweiler 1971, 58 – 62; Айбабин 1997, Могаричев 2001, 272]¹⁶.

Один из этих предков «заблудших», кир Фул, тоже мог быть православным греком или по крайней мере крещеным аланом, булгаринном или готом на византийской службе. Не этим ли отчасти объяснима та странная легкость, с которой слабый, старый по нашим и тем более по византийским меркам Иоанн (ему был

¹⁵ Автор подчеркнул факт разорения, искоренения «безбожной лести» именно среди крещеной паствы: «Стадо Х(ристов)о пребезначальным свѣтом обласная освѣти и научия правовѣрлю» [см.: Феврала 1881, 57, по рукописи первой половины XVII в. из московского Румянцевского музея].

¹⁶ Крайне редко сомнения, видимо, посещали отдельных, наиболее внимательных исследователей, но они гнали их прочь, старались переубедить себя. К примеру, А.Л. Бертье-Делагард пытался скрыть их за следующими рассуждениями: «...Едва ли было удобно и возможно Константину толкать из-за дурного обычая идти проповедовать в христианскую страну, где по этому самому должны были быть свои пастыри, подчиненные какой-либо епархии; да и стоило об уничтожении простого обычая упоминать как о подвиге особо важном; наконец, и фульский обычай — поклонение дубу, сросшемуся с черешней и носившему названия Александра, не таков, чтобы мог свободно и долго удерживаться в христианской стране, между христианским же населением». Однако как бы логично ни звучал эти аргументы, они входят в противоречие с текстом источника. Да и убедительность их невелика. (Том, как долго держались языческие пережитки в сельской глубинке, говорить не приходится. Это непреложный факт даже для внутренних, ядровых районов Византии. Как я уже подчеркивал, в первой половине XIII в., более чем через 250 лет после проповеднических усилий Константина Философа, окрестностях Херсона, на территории Херсонского епископства продолжали жить аланы — христиане только по имени), все так же нуждавшиеся в духовном поучении («не было пагущего их, хотя бы говестие было для многих»), что попытался осуществить епископ Феодор, прибывший из Никеи и из-за этого вступивший в трения с архиепископом Херсона, который увидел в этом нарушение своих прав чужаком (Кулаковский 1898, 17 – 18, § 6 – 7). Поэтому если Константию, будучи в дружеских отношениях с престарелым Херсонским архиепископом Георгием, отправился к «фульскому народу с ведома и благословения слабого телом, больного архиерея, в этом не было ничего предосудительного (в гл. 4 Слова на перенесение мощей преславного Климента сказано, что Георгия во время путешествия на остров 30 января несли на «сѣдалищи подвижныи»). В связи с этим интересно, как епископ Феодор оправдывал перед херсонским предстоятелем свое пастырское служение на его территории и в чем укорял гонителя: «Мы не предстали во всенародном учении, не похитили рукоположения, чтобы он (глава Херсонской Церкви) имел право думать, что его права нарушены». Но на вопросы неких быть может и алан мы давали лишь ответы в углу (то есть частным образом). И пусть бы нам дано было всенародно возвестить слово веры, тогда бы мы не стали ставить препоны во вешавшему, мы бы дали ему возможность видеть учение об Умершем и Воскресшем» [Кулаковский 1898, 18, § 7]. Следовательно, даже в массовой проповеди среди прихожан чужой епархии епископ Феодор не видел серьезного нарушения и вполне справедливо подозревал своих обидчиков в политических кознях. Поэтому нет оснований подозревать в выдумке составителя пространного Жития Константина / Кирилла и видеть в эпизоде с «фульским народом» только агиографический штамп, необходимый для прославления героя. Наведение порядка в пограничной епархии, в то время как хазары возбуждали гонения против христиан в каганате, не воспринимается как малозначительный эпизод

уже за 60 лет) совершил побег из тюрьмы, точнее, попросту покинул ее, вероятно, с молчаливого одобрения, а фактически попустительства и хагана, и Ирины, не желавших раздувать из случившегося громкого политического «дела». Видимо, и ту, и другую сторону вполне устраивал такой почти «бескровный» вариант разрешения нехоти разразившегося конфликта, отчетливо показавший, что время для серьезных изменений в Таврике в чью-либо одностороннюю пользу еще не настало.

В сложившейся ситуации регентша была бы довольна учреждением Готской автокефальной епископии (но никак не митрополии¹⁷), подчиненной Константинополю¹⁸, и сохранением condominiuma на крымской земле. Обстановка здесь

¹⁷ Еще раз следует подчеркнуть, что таковой она станет, как и прочие крымские архиепископства, очевидно, не ранее последней трети XIII в. [подр. см.: Богданова 1991, 20 – 32].

¹⁸ В Списке де Боора (Notitiae Isaurorum), составленном, скорее всего, между 787 и 870 г., она названа «35-я епархия Готфия (LE eparchia Gotthias), а в схолии к той же нотиции — «37-я епархия Готфия» (LZ eparchia Gotthias) [Dagrouzes 1981, Notitia 3, p. 31 – 33, 45, 231, 241 – 242, 245]. Неправдоподобным выглядит даже не то, что эта иная церковная единица была создана к концу IX в., не говоря уже о конце VIII в., а то, что она могла охватывать столь обширные хазарские территории и иметь там «епископство» (что может быть более невероятным, чем епископство, подразделяющееся на епископства). По мнению А.Г. Герцена и Ю.М. Могаричева, «после подавления выступления хазарам удалось установить полный контроль над значительной частью византийских владений в Таврике», то есть, выходит, тех самых владений, которые эти же авторы считали едва ли не «самостоятельными политическими единицами». И якобы именно поэтому для христианского населения «...на подвластной хазарам территории» были созданы восемь (или даже девять, считая собственно Готскую) новых епископских кафедр (см.: Герцен, Могаричев 1999, 112 – 113, 115; Гадло 1980, 139). В том, что среди населения Хазарии были христиане, сомнений нет, но вот в то, что «Готская митрополия охватывала огромные территории, в состав которых входили, в частности, земли Хазарии в Крыму, Приазовье, на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье», поверить невозможно [ср.: Коновалова 2002, 60]. Выходит, что хазарские власти, в массе своей преимущественно иудеисты, мусульмане или даже язычники, вопреки собственным политическим интересам были озабочены проведением христианизации в своих собственных владениях в Крыму и за его пределами (sic!). Подобное утверждение само по себе абсурдно. Кроме того, оно входит в противоречие с содержанием Жития Константина, где ни слова не говорится о епископствах в Хазарии. Несомненно, что с их предстоятелями не избежал бы встречи посланец василевса и константинопольского патриарха во время своей миссии к хагану в 861 г. Между тем его контакты ограничились архиереем Херсона архиепископом Георгием и даже не коснулись церковных иерархов Готии и Фул, вероятно, по той простой причине, что последние если и существовали, то находились под властью главы Херсонской архиепископии. Ни одна прочая нотиция епископатов, даже если она упоминает Хазарию, не называет ее епископов или епископа. Поэтому заслуживающей внимания представляется оригинальная точка зрения В.Е. Науменко о том, что в «епархиях» Готской «митрополии» Списка де Боора следует видеть отражение сведений, полученных Константином Философом во время пребывания в Хазарии, где ему могли рассказать о географии христианских общин в каганате, и именно эта информация легла в основу последних данных нотиции в виде своеобразного «проекта будущей христианской организации» на этих землях, так и оставшегося нереализованным в силу ряда внешних и внутренних политических причин [Науменко 2002, 74 – 76; Науменко 2002 а, 129 – 138]. Еще более категоричны на этот счет вполне достоверные данные писем патриарха Николая I Мистика, посланных вскоре после марта 919 г. В них он обращался с просьбой к архиепископу Херсона и, очевидно, к стратегу города содействовать делу христианизации Хазарии и удовлетворить просьбу посланцев из Хазарии о постановлении им епископа, которого следовало рукоположить в Константинополе [см.: Nicolas 1973, 314 – 315, 388 – 391, № 68, 106; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, 311]. Следовательно, христианские общины в Хазарии в начале X в. были, а вот своего епископа, способного рукополагать пресвитеров, не было, и значит, упомянутые в Нотиции де Боора церковные центры, входившие в состав епископства Готфии, нельзя принимать за византийские епископства VIII – IX вв. на территории хазар.

действительно стабилизировалась и на некоторое время оставалась относительно спокойной, что отразилось в хозяйстве и материальной культуре гетерогенных обитателей местных поселений [Айбабин 1999, 211 – 212].

«Учреждение» же хаганом стражников — таксатов (themenos en auto phylakas taxatous) в кастроне Доросе, в чем некоторые исследователи видят едва ли не главный повод к антихазарскому восстанию под предводительством Иоанна Исповедника, могло быть спровоцировано самими заговорщиками, когда мятеж еще только назревал после передачи крепости посланникам хагана [ср.: Герцен 1998, 118; Герцен 2002, 62].

Таксатами (oi taxatoi), токсотами (oi toxotoi) или таксеотами (oi taxeotai) византийцы обычно называли наемных воинов-профессионалов особых сменных отрядов тагмного (регулярного, постоянного, центрального) войска, которые несли как пограничную, так и гарнизонную службу, составляли ядро войск в фемах, тогда как фемные ополченцы — стратиоты распускались по домам [см.: Константин Багрянородный 1989, 369, комм. 7; Gregoriou Ioannidou 1985, 165]. В отличие от кавалерии и тяжеловооруженной пехоты, они представляли собой воинов легкой пехоты, вооруженных луками [Византийский военный 2002, гл. 1, с. 285, комм. 17; гл. 19, с. 301, гл. 20, с. 304]. Примечательно, что в составленном в ранневизантийской среде Nomoi ton Omeriton — собрании юридических норм для южноаравийских христиан — химьяритов таксеоты представлены как городские служащие или чиновники, которые должны были выполнять обязанности стражников, полицейских [см.: Пигулевская 2000, 44]. Не была ли эта, очевидно, немногочисленная хазарская пешая «стража» приглашена сюда самим киром Готии и его архонтами? Ведь ситуация очень напоминала ту, что сложилась вокруг Херсона в 711 г., когда хазары тоже подошли к городу по просьбе местных ромейских властей города и его области, чтобы помочь разрешить разразившийся политический кризис, переросший в военный конфликт между ромеями. На малочисленность этих воинов указывает сам факт изгнания «филакас таксатус» из резиденции кира Готии приверженцами Иоанна Исповедника, которых, похоже, тоже не могло быть много, ибо Иоанн пользовался отнюдь не всеобщей поддержкой в Юго-Западной Таврике. Казненные позже по приказу хагана 17 человек как раз могли быть из числа тех, кто дерзнул поднять руку на хазарских представителей порядка и кто создал ситуацию, угрожавшую жизни и безопасности местных властей Готии. К тому же из текста Жития остается неизвестным, были ли возвращены эти таксаты, судя по термину, наемные стражники, пехотинцы-лучники, на прежнее место после того, как «люди», или «войско» (tou laou), епископа «выгнали» (exedioxen) из Дороса и «заняли» (ekratesen) клисуры — «тесные места», то есть окрестные ключевые позиции в горной местности, где каких-либо стражников, видимо, вообще не было [Житие Иоанна Готского 1912, 416 – 417, гл. 5]. Под клисурами, занятыми приверженцами Иоанна Исповедника, можно понимать, вероятно, не контроль над всеми теснинами, ущельями, перевалами горного Крыма, как иногда считают (едва ли у восставших достало бы сил для столь масштабного овладения), а оборонительные стены в балке Каралез перед Доросом, следы которых зафиксированы археологически [Пиоро 2000, 23; ср.: Византийский военный 2002, гл. 15, с. 299, комм. 73; гл. 19 – 20, с. 301 – 304].

Примечательно, что в тексте Жития нет даже намек на некое «вторжение» хазар в горный Крым после изгнания их «таксатов», очевидно, даже не всадников, а пехотинцев-лучников. В этом и не было нужды, поскольку конфликт разрешили сами обитатели Готии («народ», некое селение), выдав Иоанна «властителям хазарским». В той ситуации крупномасштабный карательный рейд, разгром и оккупация Юго-Западной Таврики только разожгли бы и без того накалившиеся страсти и не укрепили бы, а сломали остатки «общественного мнения», еще державшегося в пользу кондомината, а значит, и в пользу хагана. Поэтому нет оснований для утверждения, что хазарский гарнизон разместился в Доросе «после неудачной попытки правящих кругов Готии избавиться от завистимости от каганата» [см.: Айбабин 1999, 209, 227]. А.Г. Герцен, крупнейший знаток Мангупа, похоже, пытается примирить непримиримое, когда пишет, что уже в конце VIII в. византийская крепость на плато была «...захвачена хазарами, владевшими ею около полу столетия, однако население ее в основном остается тем же, сохраняя культурную ориентацию на византийский Херсон» [Герцен 1998 а, 746; ср.: Могаричев 1997, 70]. Более того, это «удержание» Мангупа, его «хазарский период» иногда продлевают до второй половины IX — начала X в. [Евреи в Крыму 1999, 16, 17; Герцен 2002 а, 29]. Нет сомнений, если бы владычество хазар было здесь столь долгим, оно неминуемо оставило бы свои следы в культурном слое. Между тем раскопки показали исключительную редкость находок на плато предметов, относящихся к салтово-маяцкой культуре¹⁹. А.Г. Герцен отмечает отсутствие сколь угодно значительного количества таких артефактов во всех крупных крепостях Юго-Западной Таврики [Герцен 1997, 34; Герцен 2002, 62; ср.: Баранов 1990, 58]. Тем более нет никаких оснований говорить о некой «ежегодной сменяемости» в Доросе «хазарского гарнизона» на манер «достаточно редкой для хазар практики управления пограничными областями», отмечаемой источниками лишь в отношении Дербента и «царской» крепости Саркела первой половины X в. [ср.: Науменко 2001, 345]²⁰.

Остается неясной и судьба одной из главных крепостей и одновременно клисур Готфии на Эски-Кермене, которую хазары, возможно, именовали Кут [Герцен 1993, 62; Герцен 2000, 19]²¹. Е.В. Веймарн отмечал следы сильного пожара на городище, датировку которого он произвольно увязывал с концом VIII в. [Веймарн 1958, 53; Веймарн 1992, 165]. И.А. Баранов, опираясь на опубликованный востоковедом Д.А. Хвольсоном пересказ приписки на полях Пятикижия из со-

¹⁹ Невзирая на предлагаемую протяженность «хазарского периода» в три четверти столетия, А.Г. Герцен в противоречие к этому пишет о «кратковременном захвате крепости хазарами», не отраженном в материальной культуре населения [ср.: Герцен 1998, 119; Герцен 2002 а, 29, 32].

²⁰ К тому же в отношении Саркела Константин Багрянородный отмечал, что в нем держали 300 «таксеотов», очевидно, из числа воинов регулярного царского войска, то есть наемных ларсиев (арсиев), тюрков-мусульман, которые сменялись «по времени поочередно» (*kata chronon enallassomenoi*), а вовсе не «ежегодно», как обычно переводят этот пассаж [Константин Багрянородный 1989, гл. 42. 22 – 23, с. 170 – 171].

²¹ Впрочем, с не меньшим основанием можно считать, что хазарский топоним Кут, упомянутый в письме хагана Иосифа около середины X в., имел отношение к Чуфут-Кале или к любой другой хазарской крепости в Юго-Западном Крыму на отрезке между Алубихой (Алупкой) и Манкутом (Мангупом).

брана караимского коллекционера Авраама Фирковича, утверждал, что крепость была уничтожена хазарами в 804 – 805 г., после того, как они отняли ее у готов, якобы угнетавших местных иудеев [Баранов 1990, 151 – 152; ср.: Хвольсон 1871, 853 – 859; Хвольсон 1884, 276]. Однако подлинность этой приписки, где речь идет о Мангупе, как показали исследования, проведенные по инициативе хранителя коллекции Фирковича, вызывает серьезные сомнения [Лебедев 1987, 57 – 61]. Невозможно говорить о разрушении городища и его оборонительных сооружений в ходе подавления выступления сторонников Иоанна Готского, поскольку вырубленные у южных ворот Эски-Кермена пещерные церкви с усыпальницами в районе подъемной дороги и въезда в городище были сооружены, судя по корреляции датировок обнаруженных здесь в могилах вещей и истории развития некрополя, не ранее второй половины — конца IX столетия и не могли служить помехой для защитников крепости, будучи расположенными внизу скального массива [Айбабин 1991, 46 – 47; Могаричев 1997, 40 – 44].

Как показывают раскопки Партенита, главный очаг восстания отнюдь не имел вид «руин», о которых пишет А.И. Айбабин [Паршина 1991, 93; ср.: Айбабин 1997, 7]²². Те усадьбы, что сгорели, были быстро отремонтированы, возобновлены. В целом жизнь эмпория, как и окрестных поселений, не испытала экономического спада, а сохранение его политической ориентации на Византию прослеживается в находках ромейских моливдулов некоего Ипата (это могло быть имя, а не титул) и даже стратига Фракии, важнейшей фемы, прикрывавшей столицу империи, причем наличие на одном из них крестообразной инвокативной монограммы, которая может расшифровываться и как «Господи, помоги», и как «Богородица, помоги», в дополнение формулы «рабу своему» (to so doulo), а так же характер крупного продолговатого шрифта указывают скорее на VIII — первую половину IX в., но никак не на время Константина Багрянородного, как полагал издатель печатей Б.А. Панченко [Панченко 1906, 161 – 162, № 2 – 3, рис. 2 – 3; ср.: Романчук, Шандровская 1995, 79 – 80, рис. 26]²³.

Тем не менее превентивное по характеру антихазарское выступление Иоанна Готского, так и не вылившееся в громкое «дело», представляется весьма симптоматичным. Общее нарастание хазаро-византийского напряжения, в том числе в Таврике, невозможно не заметить с конца VIII — начала IX вв. В конце концов оно завершится через 50 лет окончательным развалом condominiuma и созданием византийской стратигии с центром в Херсоне. Давние призывы Иоанна Исповедника, попытавшегося почти на полстолетия опередить развитие событий в Таврике, окажутся все же пророческими.

²² Исследователь противоречит себе, когда отмечает, что извлеченные из слоя «северопричерноморские амфоры 1 – 3 типов второй половины VIII – IX вв., гончарные фляги и византийские монеты Михаила I (811 – 813 г.), Василия I с соправителем Константином (869 – 879 г.) демонстрируют гибель усадеб в более позднее время» [Айбабин 1999, 210].

²³ Выражаю благодарность Е.В. Степановой за консультацию по поводу уточнения содержания датировки этих печатей.

Литература

- Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. 2.
- Айбабин А.И. Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым. Международ. Симферополь, 1997.
- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Алексеев Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. 1996. Вып. 5.
- Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV – VII вв. // МАИЭТ. (1994) 1995. Вып. 4.
- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- Арутюнова-Фиганян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X – XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
- Арутюнова-Фиганян В.А. Византия и Армения в X – XI вв.: зона контакта // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С. 390.
- Арутюнова-Фиганян В.А. Армения и Византия в VII в.: синтезная контактная зона // ВВ. 2002. Т. 61 (86).
- Архимандрит Антонин. Заметки XII – XV века, относящиеся к крымскому городу Судгей (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. 1863. Т. 5.
- Архимандрит Антонин. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. 1867. Т. 6.
- Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974.
- Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего Средневековья. К., 1990.
- Белый А.В. Вопрос о локализации Фул в связи с неясным свидетельством Менаандра // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, (1995) 1996.
- Белый А.В., Душевский В.П., Мажуко А.С. Девичья крепость. Симферополь, 1999.
- Беляев С.А. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков). История русской церкви ... М., 1994. Кн. 1.
- Бертье-Делагард А.А. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. 14.
- Бертье-Делагард А.А. Исследование некоторых недоуменных вопросов Средневековья в Тавриде. 1. Поселения южного побережья. 2. Православные и униатские епархии, их пределы. 3. Справки о Фулах // ИТУАК. 1920. № 57.
- Бильбасов В.А. Кирилл и Мефодий. СПб., 1871.
- Богданова Н.М. Церковь Херсона в X – XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.
- Броневский М. Описание Татарии // ЗООИД. 1867. Т. 6.
- Бушков В. О фульском народе и его священном дубе в жизни Константина Филозофа и локализации города Фуллы и Фульской епархии // Украина в прошлом. К.; Львов, 1994. Вып. 5.
- Веймарн Е.В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954 – 1955 гг. // СА. 1958. № 1.
- Веймарн Е. В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции) // История и археология древнего Крыма. М., 1958.
- Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. К., 1963. Т. 13.

- Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах Средневековья Юго-Западного Крыма. Ч. 1: О Чуфут-Кале и Фуллах // Археологические исследования средневекового Крыма. К., 1968.
- Веймарн Е.В. «Пещерные города» Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
- Византийский военный трактат «De castrametatione» / Пер. В.В. Кучмы // ВВ. 2002. Т. 61 (86).
- Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Иоанн де Плано Карпини. История моголов / Пер. А.И. Малеина. СПб., 1911.
- Гагло А.В. К истории Восточной Таврики VIII – X вв. // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.
- Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
- Герцен А.Г. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Византия и Крым. Международ. конф. Симферополь, 1997.
- Герцен А.Г. Крепость Дорос: византийско-хазарское пограничье в Таврике // Скифы Хазары. Славяне. Древняя Русь. Тезисы докл. СПб., 1998.
- Герцен А.Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму / МАИЭТ. 1998. Вып. 6.
- Герцен А.Г. Эпоха Средневековья // Греки в истории Крыма. Симферополь, 2000.
- Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и Средневековья. Керчь, 2002.
- Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. Харьков, 2002 а. Т. 1.
- Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские молибдовулы из раскопок Мангуп-Кале // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международ. науч. конф. Харьков, 2001.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. 1991. Вып. 2.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу об образовании Готской епархии в Крыму // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Тезисы докл. СПб., 1998.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. Свердловск, 1999. Вып. 30.
- Деяния Вселенских соборов. Казань, 1873. Т. 7.
- Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. К., 1966.
- Дышкант Т. Где искать город Фуллы и фульський народ // День. 2000. 28 октября (№ 197).
- Евреи в Крыму. Краткий очерк истории иудейских общин Крыма / Сост. Ю.М. Могаричев, И.И. Вдовиченко. Симферополь, 1999.
- Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2.
- Житие Константина Философа (по рукописи 1469 г.) // Труды Словянской комиссии. Т. 1: Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности Л., 1930.
- Житие Константина Философа (текст, комментарии) // Сказание о начале славянской письменности. М., 1981.
- Житие св. отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви Св. Софии // Творения св. отца нашего, архиепископа Константинопольского. Минск, 2001.
- История Византии. М., 1967. Т. 2.
- Кеплен П.И. Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.

- Климент Охридский (IX в.). Слово похвальное Кириллу / Пер. И. Калиганова // Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX—XIV веков. М., 1990.
- Коновалова И. Христианство в Хазарии // Хазары. Второй международ. colloquium. Тезисы. М., 2002.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.
- Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. 1958. Т. 28.
- Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. 1898. Т. 21.
- Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII в. Где находились Фуллы? // ЖМНП. 1898 а. Ч. 315. Отд. 2. Февраль.
- Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.
- Лебедев В.В. К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А.С. Фирковича // ПС. 1987. Вып. 29.
- Майко В.В. О локализации Фуллы и Фульской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии). К., 2002.
- Маркевич А. К биографии П.И. Кеппена // ИТУАК. 1914. № 51.
- Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
- Могаричев Ю.М. К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2001. Вып. 10.
- Могаричев Ю.М. Иоанн Готский и образование Готской епархии // Восток—Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2002.
- Моравско-паннонские Жития Константина и Мефодия. 1. Житие Константина Философа по рукописи XV в. бывш. Московской Духовной Академии) // Труды Словянской комиссии. Т. 1: Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
- Мыц В.Л. О локализации Фуллы и Фульской епархии // 175 лет Керченскому музею древностей. К., 2001.
- Мыц В.Л. О локализации Фуллы и Фульской епархии // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. 6.
- Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
- Науменко В.Е. Представитель Готии на VII Вселенском соборе 787 г. в Никее // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. Севастополь, 2001 а.
- Науменко В.Е. Церковно-политические контакты Византийской империи и Хазарского каганата в середине IX в. // Хазары. Второй Международный colloquium. Тезисы. М., 2002.
- Науменко В.Е. Notitia K. де Боора как источник по церковно-политическим контактам Византии и Хазарского каганата в середине IX в. // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002 а.
- Никифора патриарха Константинопольского Краткая история со времен после правления Маврикия // ВВ. 1950. Т. 3.

Новиченкова Н.Г. Святилище античного времени у перевала «Гурзуфское Седло» на Главной гряде Крымских гор (устройство и атрибутика обрядности): Автореф. дисс. .. канд. ист. наук / МГУ. М., 1998.

Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г. Об исторической топографии «готской земли» I раннесредневековом Крыму // Восток—Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2002.

Панченко Б. Шесть моливдовулов из Партенита // ИАК. 1906. Вып. 18.

Паршина Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. К., 1991.

Пигулевская Н.В. Законы химьяритов // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000.

Піоро І.С. Кримські готи в світлі історико-археологічних та етнологічних досліджень // Археологія. 2000. № 3.

Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. Пер. с нем. (первая половина) // ЗООИД. 1881. Т. 12.

Раннефеодальные государства на Балканах. VI—XII вв. М., 1985.

Романчук А.И., Шандровская В.С. Введение в византийскую археологию и сфрагистику. Екатеринбург, 1995.

Ромашов С.А. Крым в хазарскую эпоху // Хазары. Второй Международный colloquium. Тезисы. М., 2002.

Рудаков В.Е. Христианские памятники Бакалы. Храмовый комплекс X—XIII вв. // Античная и средневековая идеология (АДСВ). Свердловск, 1984.

Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кошкаковым. СПб., 1891. Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева.

Савеля О.Я. Средневековое Загайтанское поселение в нижнем течении реки Черной в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее Средневековье: Тезисы международ. конф. — Симферополь, 1994.

Серафимов С. Заметки из архива Готфийской епархии в Крыму // ЗООИД. 1867. Т. 6

Сигоренко В.А. К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. (1994) 1995. Вып. 4.

Сорочан С.Б. О положении Церкви в Крыму в VIII—IX вв. // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.

Суханова И.Ю. Отчет о раскопках поселения Ак-Керман (п. Инкерман, Балаклавский район г. Севастополя) // Архив НЗХТ. Д. № 2975.

Тунманн И. Крымское ханство: Пер. Н.Л. Эрнста, С.Л. Белявской. Симферополь, 1936.

Февраля 14 преставление и похвала святому отцу Константину нареченного Кирилу учителя Словенску языку и Болгарску, философа. Створено Климентом // ЗООИД. 1881 Т. 12.

Феофан Исповедник // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 7 (VII—IX вв.) / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. М., 1995.

Филлипенко В.Ф. Каламита-Инкерман: крепость и монастырь. Севастополь, 1997.

Хвольсон Д.А. Еврейские древности в Крыму // Труды I Археологического съезда в 2 т. М., 1871. Т. 2.

Хвольсон Д.А. Сборник еврейских надписей из Крыма. СПб., 1884.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.

Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р.Х. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. 3.

- Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX – XI вв. М., 1988.
- Якобсон А.А. Средневековые гончарные печи в районе Судака // КСИИМК. 1955. Вып. 60.
- Якобсон А.А. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы // СА. 1959. Т. 29 – 30.
- Якобсон А.А. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.: Л., 1964.
- Якобсон А.А. Отчет о раскопках средневекового сельского поселения близ села Гончарное. 1968 г. // Архив НЗХТ. Д. № 841.
- Ahrweiler H. Les relations entre les byzantins et les russes au IXe siecle // Byzance: les pays et les terriociers. Bulletin d'information et de coordination de l'Association internationale des etudes Byzantines. Athenes; Paris, 1971. T. 5.
- Anastasil bibliothecarii Scholion sive Hypomnesticum // PL. 1853 T. 129.
- Blockley R.C. The History of Menander the Guardsman. Liverpool, 1985.
- Bonner M. The Naming of the Frontiere: 'Awasim, Thughur and the Arab Geographers // Bulletin of School of Oriental and African Studies. 1994. Vol. 57. № 1.
- Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region // The Economic History of Byzantium From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. A.E. Laiou (Dumbarton Oaks Studies. 39). Washington, D.C., 2002. Vol. 2.
- Darrouzes J.A.A. Listes episcopales du concile de Nicee (787) // REB. 1975. T. 33.
- Darrouzes J.A.A. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
- Gregoriou Ioannidou M. Parakme kai ptose tou thematikou themou. Thessalonike, 1985.
- Huhley D. On the Vita of St. Jone of Gotthia // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1978. Vol. 19. № 2.
- Ignatii Diaconi Vita Nicephori patriarchae Constantinopolitani // Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1880.
- Istoriya syntomos ta kata ton makarion Martinon gegonota papan Romes kai ton osion Maximon kai ton sun auto // Епифанович С.Л. Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. К., 1917.
- Michailus Monachus Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum (vers. I) // PG. Turnhout, 1976. T. 99.
- Michailus Monachus Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii (vers. II) // PG. Turnhout, 1976 a. T. 99.
- Nicolas I, Patriarch of Constantinople. Letters / Ed., transi. by R. Jenkins, L. Westerink. Washington, 1973.
- Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano / Ed. H. Delehaye. Acta Sanctorum. Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris. Bruxelles, 1902.
- Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1: Textum graecum continens.
- Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. Stanford, Calif., 1997.
- Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936.
- Weil G. Geschichte der Chalifen. Nach handschriftlichen, grosstentheils noch unbenützten Quellen. — Mannheim, Stuttgart, 1848. Bd. 2.
- Zuckerman C. Shot Notes. Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson // Byzantine and Modern Greek Studies. 1997. Vol. 21.

Список сокращений

- АДСВ — Античная древность и Средние века
 ВВ — Византийский временник
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ИАК — Известия имп. Археологической комиссии
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
 НЗХТ — Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
 ПС — Палестинский сборник
 СА — Советская археология
 PG — Patrologiae cursus completus. Series graeca, accurente J.P. Migne. Patrologiae graecae
 PL — Patrologiae cursus completus. Series latina, accurente J.P. Migne. Patrologiae latinae
 REB — Revue des Etudes Byzantines

SUMMARY

S.B. Sorochan

The «case» of bishop of Jone of Gotthia in connection with a history of Byzantian — Khazar relations in Taurica.

In the article the attempt on the analysis of «Vita of St. Jone of Gotthia» and valuation of a political situation in Byzantium, Khazaria and Crimea in the last quarter of VIII century, is made to find out the reasons, date and character of uprising in Gotthia, which lead has become the bishop John.

The statement of the supporters of John was held shortly before opening a cathedral Nikea, in summer 787, when it was not clear, who will gain top — iconoclasts or its antagonists. The rebellions are traced two purposes: to warn possible an establishment of authority of khazars and toady to official Constantinopol to create conditions for organization of independent church faculty.

The rather constrained that item the khazarian party is remarkable which after a failure of revolt has spared the «kyr of Gotthia» and, obviously, his archonts, death penalty only ordinary rebels. John himself had an opportunity to run in Amasta, and his disciples were justified of khagan and are issued from prison. Obviously, the khazars authority have refused from expansion intentions and continued to observe conditions of condominium. Especially it is necessary to emphasize, that «arrangement» of authorities of Gotthia with bishop ripened as anticipatory measure directed against disturbing, possible, but some more not carried out of khazars interference. Nevertheless, the call-ups of John will be found prophetic, as in 50 years increase Khazar — Byzantian pressure to be finished by a final disorder of condominium and creation the byzantian theme with centre in Cherson.